

Вечеслав КАЗАКЕВИЧ

Вечеслав Казакевич родился в 1951 году в Беларуси, в поселке Бельнич Могилевской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор семи книг стихов и четырех книг прозы, последняя – «Избранники реки» (2022). В переводе на японский язык вышла книга эссе 落日礼讃 («Rakujitsu raisan», «Прославление заката»). Стихи и проза печатались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион» и др. С 1993 года живет в Японии. Преподавал в Осакском университете иностранных языков, профессор университета Тояма.

КАРМАННОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

Рассказ

Самой светлой вещью в нашем доме было материнское зеркальце. Смотреться в него было трудно. От малейшего вздоха на нем появлялось туманное пятно, похожее на расплывчатое очертание волшебной, быстро тающей страны.

Круглое, прохладное, хорошо ложившееся в ладонь, оно смутно томило меня сочетанием чего-то несоединимого: ясное с внешней стороны, было лаково-темным с обратной.

Хороший человек с черной душой? День и ночь одновременно? Открытый колодец с горластым сумрачным дном? Или – если вскинуть глаза – сверкающая луна с густо затуманенной изнанкой? Но бросим луну! Вечно она лезет под руку, когда надо и не надо.

К сожалению, зеркальце редко появлялось на свет. Лишь утром, собираясь на работу, мать кидала в него озабоченный, слегка даже обеспокоенный взгляд, и мы с братом чувствовали, что она ждет от круглого стекла любого подвоха.

Вдруг на виске нет знакомой милой родинки, или родинка есть, но на нос вскочил и скачет прыщик – хотя так сказать, наверное, нельзя! – вместо уха торчит лопуха, или собственное лицо вообще отсутствует.

– Масло горит! – вскрикивал отец.

Мать стремглав убегала на кухню, и мы, выхватывая друг у друга зеркальце, придирчиво проверяли, на месте ли наши глаза, носы, волосы, брови и другие необходимые части и принадлежности лица.

Зеркальце заставляло нас корчить страшные рожи и пытаться – правда, безуспешно – шевелить ушами и лопухами. Беззвучного нахохотавшись, оно снисходительно разрешало использовать его по прямому назначению.

Есть фонарики для ночи. Но что в них сложного? Батарейка, лампочка – включаешь, появляется свет. Зеркальце было фонариком для белого дня, не имевшим за душой ни лампочки, ни батарейки. Однако стоило навести его через открытое окно на соседний забор, на досках появлялось горящее летучее пятно.

Свет из моей ладони заставлял просить прозябавшую на обочине, давно махнувшую на себя рукой пустую консервную банку, высекал искры из россыпи бутылочных осколков, выхватывал из подзаборной тени шевеление травы и поползновения жуков, а наталкиваясь на случайного прохожего, захлопывал ему глаза, будто на мгновение погружая в сладкий сон.

Невидимый луч не просто выхватывал из сумрака и безвестности таившиеся там предметы, но как бы укрупнял их, делал более четкими. Плоский круглый фонарик был одновременно чем-то вроде увеличительного стекла и бинокля.

Вот пятнышко света влетает в тусклое окно дома напротив, попадает в чужую кухню – кажется, ты сам в ней очутился! – с любопытством скользит по столу, покрытому

в ромбик и в полоску, натывается на мгновенно оживившийся граненый стакан – ни разу его не наполняли таким напитком! – и встречает тарелку с недоеденным соленым огурцом и останками селедки.

И сразу видно, как горестно скорчился одинокий огурец с откусанной от него частью туловища. Эх, погибать так с хрустом, заодно с товарищами, чтобы от тебя даже хвостика не осталось, вот это по-нашему, по солено-огуречному!

А на лежавших по соседству кусочках сельди вспыхивают микроскопические блистательные крупинки, словно селедку перед тем, как пустить в море и в розничную торговлю, осыпали, словно стрекозу, мельчайшей алмазной пылью.

– Чайник кипит! – слышался голос отца.

И мать бросалась к чайнику, подкидывающему жестяную шапку на макушке.

Стуток жаркого света перескакивал с селедки на сухой уличный бурьян, и чудилось, будь у меня не одно, а сто карманных зеркалец, они бы непременно заставили бурьян поднять дымный хвост и вскочить рыжим огненным зверем.

Школьником я был уверен, будто где-то читал, что в древности строили корабли со специальными боевыми зеркалами, способными поджигать суда противника. Отчетливо помню, эти зеркала устанавливались на зубчатых медных платформах и поворачивались в разные стороны. Овальной формы, в дубовых рамах, они по размеру не уступали самым большим парусам. Кстати, в отсутствие сражений их и использовали в качестве парусов.

Неужели мне только приснилась война, на которой мы карманными зеркальцами ослепляли неприятеля и молили прислать нам подкрепление – боевые зеркала пятиметрового калибра? Но их так и не прислали.

Зеркальце часто не отставало от меня в сновидениях. Порой, уложив нас с братом спать, мать в соседней комнате снимала со швейной машинки округлый деревянный футляр, всегда почему-то наводивший на мысли о египетских мумиях и их усыпальницах.

Под дробный стук машинки за стеной мумия из открытого саркофага соскакивала на рельсы и вмиг превращалась в летящий в темноту состав с локомотивом, на лбу которого вместо прожектора горел знакомый стеклянный диск.

И я не понимал, нахожусь ли я внутри поезда, мчавшегося неведомо куда, или замер на железном пути с вышедшими из строя ногами перед надвигающимся на меня с грохотом карманным зеркальцем.

– Не трогайте зеркало! – появлялась мать в дверях, но тут же кидалась на возглас:

– Где плоскогубцы?

Отец знал множество способов постоянно пребывать в центре внимания. Самым простым был громогласный вопрос: «Где?»

К этому, как впоследствии выяснилось, неопределенному, обстоятельству, неизменяемому наречию можно было запросто пристроить любые вещи и предметы, начиная от чистых носков и газеты «Заря коммунизма», кончая мусороуборочной машиной и солнцем. Луна отца никогда не интересовала.

Еще более действенным был вопрос: «Кто?» Далеко разносившееся: «Кто взял, убрал, унес, не туда положил?» – звучало не просто вопросительно, но грозно обвинительно.

У отца постоянно всё пропадало, исчезало, испарялось, горело, кипело, переливалось через край, не открывалось и не закрывалось, лежало не на своем месте, не завязывалось, не развязывалось...

И мать – чем бы она ни занималась! – опрометью бросалась на все эти горения, бурления, пропадания, в мир сплошных стихийных бедствий и катаклизмов, лишь бы помочь мужу целым и невредимым выйти из любой катастрофы, а потом сердилась сама на себя, что без раздумья кидается на любой его вскрик.

– Зачем я к тебе бегаю? – сокрушалась она.

– А ты не бегай, – веско отвечал отец, видя, что всё горевшее уже не горит, бурлившее не бурлит, очередная пертурбация кончилась, и кипяток смиренно превращается в чай.

– Ты же зовешь!

– Зову? – поражался отец. – Я просто говорю, что в доме происходит.

Мать возвращалась в зал, брала зеркальце в руку, и мы заворуженно наблюдали, как волна колдовского блеска неслышно обдаёт её лицо и делает его моложе и незнакомее.

Иногда казалось, что чудесно изменившаяся мать задумчиво-рассеянно смотрит мимо зеркала, словно, метнувшись на помощь отцу и выручив его из беды, вдруг удивленно поняла, что сбилась со своей дороги, не помнит, куда и зачем шла.

Трудно представить, чтобы она, всегда застенчивая и неуверенная с людьми, нахально допытывалась у зеркальца, вправду ли никого в мире нет красивей и умнее её.

Отец в карманное зеркальце не заглядывал. Но прибавлял ему таинственности и загадочности.

– Положите на место! – командовал он, застав нас за разведением солнечных зайчиков. – Зеркало не простое.

– А какое?

– Без него вас никогда бы не было!

– Почему? – хором вопрошали мы.

– Кто мух напустил? – раздавалось в ответ.

Лишь когда нас стали отвозить на лето к деревенским родственникам, тетя Поля с гордостью рассказала, что именно она устроила первую встречу наших родителей. А карманное зеркальце сразу сблизило их.

Выскользнув в тот день из ладошки нашей будущей матери, оно покатилося, как колесико, к двери, и мать, нагнувшись за ним, неожиданно столкнулась с только что переступившим порог своим будущим мужем, тоже быстро наклонившимся за перекасти-стеклом.

Однажды зеркальце пропало. Мелкие домашние вещи, исчезая, чаще всего переходят в разряд без вести пропавших. Некоторые из них случайно оказываются в мусорном ведре вместе с ненужным хламом. Другие по чужой рассеянности попадают туда, куда ни взгляд, ни сырая тряпка не заглядывают. Третьи ускользают под тяжелый шкаф, пыльный диван, или соскакивают по ступенькам в погреб, где лежат, зажмурившись от страха. Даже большие зеркала терпеть не могут темноты. А маленькие – её боятся.

Задай отец чудодейственный вопрос: «Где зеркальце?», а еще лучше: «Кто прикарманил зеркальце?», мать несомненно нашла бы утрату. Но, наверное, для отца такая потеря не была катастрофой. Возможно, он её просто не заметил. Бывают ведь катастрофы, которых никто не замечает, спохватываясь только через десятилетия.

Мы с братом больше не отбирали зеркальце друг у друга, не сидели с ним зачарованно у окна. Скоро нам стало казаться, что это занятие исключительно для детворы. Вместе с зеркальцем незаметно укатилось наше детство.

И мать больше не вглядывалась в спрятанное в ладони стеклышко. Теперь она смотрела только на отца. Бросаясь на его призывы о помощи, она порой укоризненно и удовлетворенно выговаривала ему: «Ты бы без меня совсем пропал!»

– Как швед под Полтавой! – охотно соглашался отец.

И мы видели, как он вмиг сбрасывает с себя громоздкий мушкет, с шорохом скидывает барабан – нельзя было представить отца без барабана! – стягивает ботфорты, синий кафтан, высокую гренадерскую шапку... С чем еще там полагалось погибать под Полтавой? И радостно исчезает в широком поле. Есть люди, которые даже пропадают с удовольствием.

А мать заболела. Лишь тогда мы заметили, что без сверкающей зеркальной волны, окатывавшей её по утрам, глаза у неё перестали блестеть, лицо потускнело и осунулось. И

хотя у нас было большое зеркало над умывальником и целый шкаф с зеркалом в спальне – темнее и скучнее стало в доме.

Мать все так же спешила на помощь отцу, но делала это теперь со стонами, и постоянно пыталась предотвратить будущие катастрофы.

– Хочешь, научу тебя, как овсянку варить, чтобы молоко не убежало? – слабым голосом спрашивала она и, не дожидаясь ответа, начинала. – Возьми стакан...

Но проворнее молока от материнских наставлений убежал отец. Похоже, он единственный в доме не понимал или делал вид, будто не понимает, что мать думает о своей смерти и тревожится, как он будет жить один.

– Зачем мне это? – морщился он. – Я на работу опаздываю!

Когда мать умерла, мы нашли общую тетрадку, исписанную подробными инструкциями по хозяйству: на какой сковородке жарить оладьи, на какой котлеты; где лежит штопор, а где кухонные ножницы, которые, помыв, надо обязательно повесить для просушки на крючок, иначе они заржавеют...

Читать эти заботливые бытовые советы, доносившиеся из темноты, с того света, было невозможно. По негласному уговору клеенчатая тетрадка, не успев нашелестеться густо исписанными листками, попала в разряд без вести пропавших.

Отец снова женился. Ему не только жарили блины и котлеты, варили супы и овсянку, но завязывали шнурки на ботинках. Сам он уже не мог наклоняться к полу, как раньше.

Удивительно, но теперь в доме ничего больше не пропадало, не горело, не выкипало, не хлестало через край... Будто с приходом новой жены все отцовские напасти и катастрофы кончились, и никому не нужно было опрометью лететь к нему, старому и седому, на выручку.

После его похорон ко мне подошла неприметная старушка:

– Я с твоей мамой в молодости дружила. Хочешь, верну одну ее вещицу?

Она протянула потертую старомодную сумочку:

– Вот, когда-то мы с ней сумками поменялись...

Я машинально шелкнул металлической застежкой. Внутри лежало круглое зеркальце с поцарапанной темной спинкой.

– Вы зеркало забыли, – вынул я его.

– Это твоя мама забыла.

И в ушах у меня зазвучал давно забытый голос тети Поли:

– Заметила я, что к соседке заезжает незнакомая молодуха. Кто такая? Оказывается, ее родня. Девка, что маков цвет! На бухгалтерку выучилась, в райцентре работу получила. Сойдет на шоссе с автобуса, передохнет и в соседнюю деревню пешком отправляется, свою мать проведать. Как раз тогда Степка из армии пришел, в школе работал. Загорелся: «Познакомь!» Пообещала, буду стеречь девку! И в следующий раз чуть ее увидела, сразу к нему. А его нет, на слободке комсомольское собрание проводит. Матухна Божья! Я сколько было ног туда. «Кончай собрание! – кричу. – Девка ждать не будет!»

И вот я вместе с моим будущим отцом бегу через лес по дорожке, вымощенной твердыми шишками. Успеем или не успеем? Толпа сосен с тяжелым топотом и шумным дыханием, с оседающим огненным шаром, перекатывающимся с одной зеленой лапы на другую – солнце всегда нарасхват! – несется навстречу.

Мать может нас не дожидаться. Скажет родственнице: «До свидания!» и исчезнет в быстро подступающей тьме. Отец не станет моим отцом. Будет чужим незнакомым человеком, с которым я безразлично разойдусь, даже если встречу. Что у меня с ним общего?

Быстрее, отец! Мать уже собирается уходить. Опоздаешь на минутку, никто тебя никогда не спасет. И мы с братом никогда не увидим свет!

Не уходи, мама! Как ты будешь жить без всех нас?

Лучше загляни перед дорогой в карманное зеркальце. На месте ли милая родинка на виске, не торчат ли уши-лопуши?

Вот она, юная, недавно только после техникума, достает заветное зеркальце, беспокойно подносит его к лицу, и на стекле появляются очертания волшебной, быстро тающей страны.

Мрак мой, зеркальце, скажи...

2025